

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Л.

20.02.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., Пашинского М.Л., Семеняко М.Е., Тимофеевой Т.В., членов Совета Зеленского А.В., Кучеренко И.М., Манкевича А.Е., Пальмского А.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Чангли А.И. в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 20.02.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 26.06.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Л. послужила жалоба М.Р.Р., поступившая в АП СПб 13.06.2024; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 27.06.2024.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.09.2024 адвокатом Л. допущено нарушение взаимосвязанных требований

1) - подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *«Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»* и

- подп. 1 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*

2) - п. 2 ст. 5 КПЭА: *«Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»* и

- подп. 2 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению».*

Нарушение выразилось в следующем.

28.12.2022 между адвокатом Л. и М.Р.Р. заключено соглашение об оказании юридической помощи.

Предметом соглашения являлось оказание юридической помощи доверителю путём представления его интересов в суде по двум искам (кредиты и их страхование). В дальнейшем, 05.09.2023, стороны заключили соглашение, предметом которого являлось представление интересов М.Р.Р. в Пушкинском районном суде г. Санкт-Петербурга о страховании, взыскании страховки.

До момента подачи М.Р.Р. жалобы (13.06.2024) адвокат Л. к работе по исполнению условий соглашения не приступила, исковые заявления не подготовила и в суд не подала.

Приняв на основании соглашения об оказании юридической помощи поручение доверителя по оказанию квалифицированной помощи по представлению интересов доверителя в суде (кредиты, страхование), получив вознаграждение в размере 90 000 руб., адвокат пренебрегла своими профессиональными обязанностями, самоустранившись от исполнения своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Будучи надлежащим образом извещённой о дате рассмотрения дисциплинарного производства, адвокат Л. на заседание Квалифкомиссии не явилась, доводы жалобы не оспорила и не возражала по существу предъявленных дисциплинарных обвинений.

Действия адвоката Л. при описанных выше обстоятельствах носят умышленный и грубый характер, демонстрируют очевидное пренебрежение правами и законными интересами доверителя, поручение которого адвокатом не исполнено до настоящего времени.

Совершённые адвокатом Л. нарушения также сопряжены с игнорированием требований законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА и повлекли ущерб авторитету адвокатуры.

Действия адвоката Л. направлены к подрыву доверия как к ней самой, так и к институту независимой адвокатуры, существование и деятельность которого являются гарантией реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Кроме этого, не нашли подтверждения доводы жалобы:

- 1) о направлении денежных средств по оплату госпошлины в размере 60 000 руб. по указанию адвоката Л. на банковскую карту супруга адвоката.
- 2) о непредставлении адвокатом Л. отчёта о проделанной работе.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства извещены о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 20.02.2025 надлежащим образом, на заседание не явились, о причинах неявки не сообщили, представителя не направила, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Адвокат Л. по телефону сообщила, что о ведущемся в отношении неё дисциплинарном производстве, возбуждённом по жалобе М.Р.Р., она знает; извещений о времени и месте заседаний Квалифкомиссии и Совета АП СПб она не получала,

поскольку электронную почту не проверяет. Правильность предоставленного ею в базу АП СПб адреса электронной почты, на который ей направлялись извещения, подтвердила.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб полностью соглашается с выводами Квалифкомиссии**, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Так, Квалифкомиссия установила, что 28.12.2022 между адвокатом Л. и М.Р.Р. было заключено соглашение об оказании юридической помощи.

В соответствии с п. 1 соглашения поверенный обязуется оказать юридическую помощь доверителю путем представления интересов в суде по двум искам (кредиты и их страхование).

В силу п. 2 соглашения размер вознаграждения адвоката за юридическую помощь составляет 90 000 руб.

Пунктом 3 соглашения установлено, что доверитель поручает поверенному сдать гонорар в кассу (или на счёт в банке) СПОКАд или адвокатской консультации СПОКАд в установленный отчётный срок или после окончания оказания юридической помощи.

По мнению заявителя, вознаграждение в размере 90 000 руб. внесено в кассу адвокатского образования 28.12.2022, что подтверждается квитанцией к приходному кассовому ордеру № .

Как следует из жалобы, доверитель по просьбе адвоката перевела на банковскую карту её мужа еще 60 000 руб. на оплату государственной пошлины.

В подтверждение дисциплинарных претензий к первоначальной жалобе приложен скриншот соглашения об оказании юридической помощи от 28.12.2022.

Внизу бланка соглашения об оказании юридической помощи от 28.12.2022 после подписей сторон содержится текст следующего содержания «недействительно написано новое 5.9.23».

Жалоба доверителя от 25.07.2024 повторяет в полном объёме первоначальную жалобу.

Разница заключается только в приложенных к жалобе документах. Так, к дополнительной жалобе приложен скриншот и копия соглашения об оказании юридической помощи от 28.12.2022 с приписанным текстом о «недействительности», копия соглашения об оказании юридической помощи от 28.12.2022 без текста о его «недействительности» и копия соглашения об оказании юридической помощи от 05.09.2023.

Из соглашения от 05.09.2023 следует, что адвокат Л. приняла на себя обязательства по представлению интересов М.Р.Р. по гражданскому делу в Пушкинском районном суде г. Санкт-Петербурга о страховании, взыскании страховки.

Однако ни в одной из жалоб не содержится доводов как о признании соглашения об оказании юридической помощи от 28.12.2022 недействительным, так и сведений о заключении нового соглашения.

Отвечая на вопросы членов Квалифкомиссии, заявитель указала, что действительно стороны дисциплинарного производства признали, что соглашение об оказании юридической помощи от 28.12.2022 является недействительным и взамен соглашения они

05.09.2023 подписали новое соглашение об оказании юридической помощи, которое не исполнено адвокатом Л.

Квалифкомиссия справедливо обратила внимание, что адвокат Л. с 29.11.2022 не избрала адвокатское образование, в котором она осуществляет свою деятельность. Вместе с тем в соглашениях об оказании юридической помощи от 28.12.2022 и от 05.09.2023 в нарушение требований подп. 1 п. 4 ст. 25 Закона об адвокатуре содержится указание на принадлежность адвоката, принявшего исполнение поручения в качестве поверенного, к адвокатскому образованию СПОКАд, в котором адвокат не осуществляет свою деятельность.

Кроме того, адвокатом в подтверждение оплаты вознаграждения выдана квитанция к приходному кассовому ордеру также с указанием на АК № 4 и печатью СПОКАд.

1. Относительно доводов жалобы о неисполнении адвокатом условий соглашения об оказании юридической помощи, выразившемся в том, что адвокат Л. к исполнению поручения не приступила, исковые заявления не подготовила и не подала в суд.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в данной части, Квалифкомиссия правомерно исходила из следующего.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и подп. 1 ст. 8 КПЭА, на адвокате, как на лице, оказывающем на профессиональной основе квалифицированную помощь, лежит обязанность осуществлять адвокатскую деятельность в строгом соответствии с предписаниями законодательства Российской Федерации.

С момента заключения соглашения об оказании юридической помощи адвокат приобретает обязательства по исполнению поручения, которые предусматривают честное, разумное, добросовестное, квалифицированное, принципиальное и своевременное исполнение своих обязанностей, активную защиту прав, свобод и интересов доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом, КПЭА; уважительное отношение к правам, чести и достоинству лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей и иных лиц.

Из доводов жалобы следует, что 28.12.2022 между адвокатом Л. и М.Р.Р. заключено соглашение об оказании юридической помощи.

Как указывалось выше, соглашение было заключено 28.12.2022, предметом соглашения являлось оказание юридической помощи доверителю путем представления его интересов в суде по двум искам (кредиты и их страхование). В дальнейшем, 05.09.2023, стороны заключили соглашение, предметом которого являлось представление интересов М.Р.Р. в Пушкинском районном суде г. Санкт-Петербурга о страховании, взыскании страховки.

Правовой советник, каковым является адвокат Л., не могла не понимать, что приписка на соглашении с указанием на его недействительность не порождает никаких правовых последствий и не освобождает адвоката от исполнения своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Доказательств расторжения соглашения об оказании юридической помощи от 28.12.2022, отказа от соглашения или признания его судом недействительным материалы дисциплинарного производства не содержат.

В своих письменных пояснениях адвокат подтверждает, что оказывала доверителю юридическую помощь, не оспаривает заключение соглашений от 28.12.2022 и 05.09.2023,

не ссылается на недействительность соглашения от 28.12.2022 и заключение нового соглашения 05.09.2023.

М.Р.Р., не являющаяся профессиональной стороной соглашения, воспринимает предмет соглашения, указание на недействительность соглашения и необходимость заключения нового соглашения на бытовом уровне, исходя из своего правового интереса, указывает, что до момента подачи ею жалобы (13.06.2024) адвокат Л. к работе по исполнению условий соглашения не приступила, исковые заявления не подготовила и в суд не подала. В ходе дисциплинарного разбирательства М.Р.Р. ссылалась на неисполнение адвокатом своего поручения, неподготовку и неподачу в суд искового заявления, оплату вознаграждения, перевод денежных средств супругу адвоката на оплату государственной пошлины в размере 60 000 руб.

При этом из материалов дисциплинарного производства также следует, что адвокат получила вознаграждение в полном объёме, что подтверждает претензии заявителя к адвокату.

В любом случае доказательств исполнения адвокатом Л. соглашения материалы дисциплинарного производства не содержат.

При разрешении настоящего дисциплинарного спора Квалифкомиссия обоснованно исходила из следующего.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 23 КПЭА разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ осуществляется устно, на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. Данная норма предполагает, что стороны дисциплинарного производства вправе и обязаны подтвердить доводы, изложенные в обращении и объяснениях, надлежащими, достоверными и непротиворечивыми доказательствами.

Квалифкомиссия верно отметила, что в отношении адвоката Л. не может быть применена презумпция добросовестности.

Поскольку в отношении адвоката Л. выдвинуты дисциплинарные обвинения в неисполнении принятых на себя обязательств, выразившемся в бездействии при оказании юридической помощи на основании заключённого соглашения, в исключение из общих правил о распределении бремени доказывания, именно на адвокате Л. лежала обязанность предоставления соответствующих доказательств, опровергающих доводы жалобы.

Заявитель бездействие адвоката доказывать не должен – отрицательные факты не подлежат доказыванию, поскольку нельзя доказать то, чего не было.

Будучи надлежащим образом извещённой о дате рассмотрения дисциплинарного производства, адвокат Л. на заседание Квалифкомиссии не явилась, доводы жалобы не оспорила и не возражала по существу предъявленных дисциплинарных обвинений.

Отрицая доводы жалобы, адвокат сослалась только на своё надлежащее исполнение профессиональных обязанностей. Однако никаких документов или иных доказательств в подтверждение своих пояснений адвокат Л. не представила.

Помимо указанного, 31.07.2024 на основании п. 6 ст. 23 КПЭА в связи с необходимостью исследования обстоятельств качества и объёма оказанной адвокатом Л. правовой помощи, соблюдения финансовой и договорной дисциплины и в пределах дисциплинарных обвинений жалобы Квалифкомиссия направила посредством письма на адрес электронной почты адвоката Л. запрос о предоставлении платежных документов о взаиморасчетах по соглашению об оказании юридической помощи, адвокатского производства, который был адвокатом проигнорирован.

Адвокат Л., действуя в своей воле и в своем интересе (п. 2 ст.1 и п.1 ст. 9 ГК РФ), своими правами, предусмотренными п.п. 5 и 7 ст. 23 КПЭА, распорядилась по собственному усмотрению.

Непредставление адвокатом каких-либо документов в опровержение доводов жалобы об исполнении поручения в полном объеме, каковыми могли быть, в том числе и адвокатское производство по делу, при отсутствии других доказательств, представленных адвокатом Л., Квалифкомиссия обоснованно расценила как непредставление доказательств, опровергающих доводы жалобы, что, в свою очередь, подтверждает неисполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей в данной части перед доверителем.

Исходя из принципа состязательности, подразумевающего, в числе прочего, обязанность сторон доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений, нежелание адвоката Л. опровергать позицию подателя жалобы может быть истолковано против неё, поскольку стороны несут риск наступления неблагоприятных последствий уклонения от состязательности.

Квалифкомиссия в отсутствие возражений адвоката относительно доводов жалобы, основываясь на соглашениях, полагает установленным, что адвокат не исполнила своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

При этом в отношении доводов жалобы не может быть применена презумпция добросовестности адвоката, поскольку иное возлагало бы на Квалифкомиссию обязанность самостоятельного собирания доказательств опровержения доводов жалобы, что прямо противоречит Закону об адвокатуре.

Приняв на основании соглашения об оказании юридической помощи поручение доверителя по оказанию квалифицированной помощи по представлению интересов доверителя в суде (кредиты, страхование), получив вознаграждение в размере 90 000 руб., адвокат пренебрегла своими профессиональными обязанностями, самоустранившись от исполнения своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией признаёт презумпцию добросовестности адвоката Л. опровергнутой и приходит к выводу об обоснованности дисциплинарного обвинения и, соответственно, о виновном неисполнении адвокатом Л. обязанностей по соглашению об оказании юридической помощи перед доверителем, вопреки положениям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и подп. 1 ст. 8 КПЭА.

2. Относительно доводов жалобы о направлении денежных средств по оплате госпошлины в размере 60 000 руб. по указанию адвоката Л. на банковскую карту супруга адвоката.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 23 КПЭА разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ осуществляется устно, на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. Данная норма предполагает, что стороны дисциплинарного производства вправе и обязаны подтвердить доводы, изложенные в обращении и объяснениях, надлежащими, достоверными и непротиворечивыми доказательствами.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в неисполнении адвокатом Л. требований закона о финансовой дисциплине, Квалифкомиссия пришла к

правомерному выводу о том, что указанные дисциплинарные претензии не нашли своего подтверждения, исходя из следующего.

Заявителем в подтверждение доводов о переводе на карту супруга адвоката Л. денежных средств на оплату государственной пошлины не представлено допустимых и достоверных доказательств.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что на имя Сергея Николаевича М. переводились денежные средства: 24.12.2022 – в размере 50 000 руб.; 25.12.2022 – в размере 15 000 руб., 26.12.2022 – в размере 40 000 руб., 28.04.2023 – в размере 20 000 руб., 15.06.2023 – в размере 25 000 руб., а всего 150 000 руб.

Сведений о том, что получателем денежных средств является супруг адвоката Л., материалы дисциплинарного производства не содержат, в ходе рассмотрения таковых не добыто.

Указанные доводы жалобы не могут служить основанием привлечения к дисциплинарной ответственности адвоката Л., поскольку заявителем не представлены объективные доказательства перевода денежных средств именно на имя супруга адвоката, которые в силу положений КПЭА порождают обязанность адвоката Л. исполнить требования доверителя и выдать ему квитанцию.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией приходит к выводу о необходимости **прекращения дисциплинарного производства в данной части** вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

В то же время Квалифкомиссия справедливо отметила, что с 29.11.2022 адвокат Л. не избрала адвокатское образование, в котором она осуществляет свою деятельность, из Санкт-Петербургской Объединенной коллегии адвокатов (далее – СПОКАд) она была отчислена. В связи с указанным у адвоката Л. отсутствовало право указывать в преамбуле соглашений об оказании юридической помощи на свою принадлежность к СПОКАд, а также использовать квитанции к приходным кассовым ордерам с указанием на адвокатскую консультацию № 4 СПОКАд, в которой адвокат ранее осуществляла свою деятельность, и в кассу которой (как и на расчётный счёт СПОКАд) адвокат не может внести денежные средства, полученные от доверителя в счёт вознаграждения по соглашению.

Вместе с тем, в силу п. 4 ст. 23 КПЭА, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении, изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается. Из приведённых норм следует, что иные выявленные в ходе дисциплинарного разбирательства нарушения квалификационной комиссией не рассматриваются. При этом отсутствие в заключении квалификационной комиссии оценки нарушений, не указанных в жалобе и выявленных в ходе разбирательства, не препятствует новому сообщению в адвокатскую палату, содержащему указание на такие нарушения, в том числе в виде новой жалобы доверителя адвоката, внесению представления вице-президента адвокатской палаты или уполномоченного в области адвокатуры органа государственной власти.

3. Относительно доводов жалобы о непредставлении адвокатом Л. отчёта о проделанной работе.

Согласно п. 6 ст. 10 КПЭА при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность, а также при отмене или по исполнении поручения – предоставить доверителю по его просьбе отчёт о проделанной работе.

Квалифкомиссия правильно обратила внимание, что доказательств направления адвокату требования о предоставлении отчёта в подтверждение указанных доводов заявителем не приложено, в ходе рассмотрения дисциплинарного производства таковых не добыто.

Лишь направление адвокату требования о представлении отчёта о проделанной работе порождают обязанность адвоката исполнить эти требования.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией приходит к выводу о необходимости **прекращения дисциплинарного производства данной части** вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

4. Относительно доводов жалобы о совершении адвокатом Л. действий, порочащих её честь и достоинство и умаляющих авторитет адвокатуры.

Совет АП СПб солидарен с Квалифкомиссией, констатировавшей, что действия адвоката Л. при описанных выше обстоятельствах носят умышленный и грубый характер, демонстрируют очевидное пренебрежение правами и законными интересами доверителя, поручение которого адвокатом не исполнено до настоящего времени.

Квалифкомиссия справедливо отметила, что совершённые адвокатом Л. нарушения также сопряжены с игнорированием требований законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА и повлекли ущерб авторитету адвокатуры.

Кроме того, следует согласиться с Квалифкомиссией, что действия адвоката Л. направлены к подрыву доверия как к ней самой, так и к институту независимой адвокатуры, существование и деятельность которого являются гарантией реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Правовые гарантии независимости адвоката и адвокатуры обеспечивают самостоятельность адвоката и невмешательство в его профессиональную деятельность. Законодатель максимально гарантировал свободу адвоката в общении с доверителем и в представительстве интересов последнего перед государственными и иными органами и третьими лицами. Зная об этих положениях федерального законодательства, граждане доверяют адвокатам. Адвокат, будучи независимым советником по правовым вопросам и профессиональным юристом, обязан соблюдать требования закона и не вправе использовать средства защиты, противоречащие закону, а также действовать вопреки интересам лиц, обратившихся к ним за юридической помощью.

Эти требования адвокатом Л. были грубо проигнорированы.

В соответствии с п. 2 ст. 5 КПЭА адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Совокупность изложенных выше обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что действия адвоката Л. в ходе оказания юридической помощи доверителю не соотносятся с обязанностью при любых обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущее её профессии и избегать действий, направленных к подрыву доверия к ней или к адвокатуре (п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 5 КПЭА), а следовательно, содержат признаки недобросовестности и

подрывают доверие к ней как к адвокату, в частности, так и институту адвокатуры в целом.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией приходит к выводу о нарушении адвокатом Л. положений п. 2 ст. 5 и подп. 2 ст. 8 КПЭА.

В оставшихся доводах отсутствуют сведения о нарушении адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Одновременно Совет АП СПб соглашается с Квалифкомиссией, оставившей без рассмотрения доводы жалобы о возврате вознаграждения, поскольку споры по данному основанию подлежат разрешению исключительно в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством, и находятся вне рамок компетенции органов самоуправления АП СПб, полномочия которых ограничены установлением в действиях (бездействиях) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности.

С учётом изложенного Совет АП СПб признаёт презумпцию добросовестности адвоката Л. в указанной выше части дисциплинарных обвинений опровергнутой, её вину в ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей – установленной.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Л. за допущенные нарушения, Совет АП СПб признаёт их тяжкими и учитывает их умышленный и грубый характер, обусловленный очевидным пренебрежением адвокатом законными интересами доверителя, игнорированием требований Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также учитывает, что в результате непрофессиональных действий адвоката Л. заявителю не была оказана квалифицированная юридическая помощь, в результате чего доверитель длительное время не могла получить судебную защиту нарушенных прав. Действия адвоката Л. направлены к подрыву доверия как к ней самой, так и к институту независимой адвокатуры, повлекли за собой ущерб авторитету адвокатуры.

Отсутствие строгой дисциплинарной ответственности за подобные нарушения может создать у других адвокатов ложное представление о допустимости подобного поведения.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Л. действующих дисциплинарных взысканий, но не считает это обстоятельство оказывающим существенное влияние на принятое решение.

Всё изложенное, по мнению Совета АП СПб, свидетельствует об отсутствии у адвоката Л. необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств, что делает невозможным её дальнейшее пребывание в составе адвокатского сообщества.

Отсутствие со стороны адвоката Л. критического отношения к своему профессиональному поведению не позволяет надеяться, что она сможет пересмотреть и скорректировать его.

При таком положении Совет АП СПб признаёт профессиональное поведение адвоката Л. несовместимым с её нахождением в адвокатуре и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, как в наибольшей степени отвечающей требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

По этим же причинам Совет АП СПб считает невозможным применение к адвокату Л. меры дисциплинарного воздействия, не связанной с прекращением статуса адвоката.

В соответствии с п. 7 ст. 18 КПЭА: *«В решении Совета о прекращении статуса адвоката за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса устанавливается срок, по истечении которого указанное лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката. Указанный срок может составлять от одного года до пяти лет».*

С учётом всех приведённых выше обстоятельств дисциплинарного производства Совет АП СПб полагает возможным установить адвокату Л. срок дисквалификации 2 (два) года¹.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 3 п. 6 и п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Л. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения взаимосвязанных требований

подпункта 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и

подпункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката;

пункта 2 статьи 5 и подпункта 2 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде **прекращения статуса адвоката.**

¹ По этому вопросу Советом АП СПб проводилось отдельное голосование, решение принято единогласно.

Установить Л. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, 2 (два) года.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.